

СИНТАКСИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ «СОСТОЯНИЕ ПРИРОДЫ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА И.А. БУНИНА*

Аннотация. В статье рассматриваются структурные схемы безличных предложений как репрезентанты синтаксического концепта «состояние природы» в языковой картине мира И.А. Бунина. По мнению автора, через анализ лексического наполнения компонентов схем, специфики их речевых модификаций, обогащение пропозиций высказываний дополнительными смыслами можно вычлениить когнитивные признаки синтаксического концепта.

Ключевые слова: синтаксический концепт «состояние природы»; структурная схема простого предложения; когнитивный признак.

O. Selemenewa

THE SYNTACTICAL CONCEPT «STATE OF THE NATURE» IN THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF I. BUNIN

Abstract. In this article the author examines the structural schemes of the impersonal sentences as marks of the syntactical concept «state of the nature» in linguistic picture of I. Bunin's world. According to the author, analyzing the lexical filling of the components of schemes, the specific character of their speech modifications and the enrichment of the proposition of utterances by additional senses one can determine the cognitive features of syntactical concept.

Key words: the syntactical concept «state of the nature»; structural scheme of the simple sentence; cognitive feature.

Когнитивная лингвистика как научное направление убедительно обосновала понимание языка как системы знаков, представляющих через свои означаемые «глобальные единицы мыслительной деятельности» [12, с. 5], или концепты. Исследуя семантику языковых единиц, репрезентирующих концепт, когнитивная лингвистика находит путь к описанию вербализуемой части концепта. Способы овнешнения концептов в языке различны: готовые лексемы и фразеосочетания,

свободные словосочетания, структурные и позиционные схемы предложений, несущие типовые пропозиции, тексты и совокупности текстов [11, с. 38].

Разнообразие средств репрезентации концептов позволяет говорить не только о концептах лексических и фразеологических (*быт, воля, страх, счастье, тоска, труд* и др.), но и синтаксических (*бытие объекта, инобытие объекта, самостоятельное перемещение агенса* и др.). Представитель Воронежской теоретико-лингвистической школы профессор З.Д. Попова, указав на присутствие в высказывании пропозиции, являющейся «определённым смысловым концептуальным набором синтаксической единицы» [2, с. 15], предложила понимание синтаксического концепта как некоторого отношения, установленного говорящим как типовое (отношение *бытия, инобытия, небытия* и др.) и зафиксированного конкретными структурными схемами простого предложения, выделенными на основе информативной достаточности [3; 11; 13]. Исследование структурных схем простых предложений как языковых средств кодирования синтаксических концептов, на наш взгляд, способствует эффективному выявлению их когнитивных признаков.

Коммуникативная востребованность ситуаций, связанных с описанием способов взаимодействия человека с миром природы, мотивирует обращение к анализу синтаксического концепта «состояние природы», репрезентированного совокупностью структурных схем безличных предложений, формирующих при его полевой стратификации ядерную зону.

Исследование языковых способов экспликации синтаксического концепта «состояние природы» в языковой картине мира И.А. Бунина также не случайно, поскольку природа у писателя – «действующее лицо» его произведений [1, с. 142]; тайна, «явление, индивидуализированное в каждом своём проявлении: в капле дождя, в луче солнца, в стрекоте цикад» [6, с. 8].

* © Селеменова О.А.

Собранный из прозаических произведений И.А. Бунина языковой материал позволил нам выделить 4 структурные схемы – «где есть каково» (48 %), «где происходит» (30 %), «где пахнет чем» (18 %), «где действует чем откуда/куда» (4 %), вербализующие синтаксический концепт «состояние природы» и различающиеся компонентным составом, определяемым двумя параметрами: семантическим типом пропозиции и формирующими её смыслами, содержательной структурой предикативной лексемы и её морфологической природой.

Первый конститутивный компонент схем – предикатив – по своей морфологической природе не характеризуется однородностью. Он представлен то лексико-грамматическим разрядом слов, за которым в грамматике закрепился термин «категория состояния» (*морозно, светло, темно, тихо* и др.), то безличными глаголами (*вечереет, морозит, светает* и др.), то личными глаголами в безличном употреблении (*белеет, метёт, пахнет, темнеет* и др.). Например: *В поле было холодно, туманно и ветрено, смеркалось рано* (Сны) (структурные схемы «где есть каково» и «где происходит»); *Несёт острым мелким снегом...* (Сны Чанга) (структурная схема «где действует чем откуда/куда»); *Всюду сильно пахнет яблоками...* (Антоновские яблоки) (структурная схема «где пахнет чем») и др.

Человек, будучи «органом мысли» природы, описывает её состояние через данные своих зрительных и осязательных, обонятельных и слуховых рецепторов. Многомерность восприятия мира в звуках, красках, ощущениях – специфическая черта стиля И.А. Бунина, связанная «с ощущением полноты бытия и стремлением к его языковому выражению» [10, с. 48] Например: *Вечерело, было снежно, тихо, всюду тоска и грусть* (Под Серпом и Молотом) (воздействие на зрительные и слуховые рецепторы); *Стало темнеть, морозило, мы медленно вышли из ворот, возле которых покорно сидел на козлах мой Фёдор* (Чистый понедельник) (воздействие на зрительные и осязательные рецепторы) и др. Преобладают в языковой картине мира И.А. Бунина «колористические оттенки» природных состояний: *За окнами посилено* (Деревня); *Серо, холодно* (Последняя весна); *...Солнца ещё не было, но было уже совсем светло и розово* (Жизнь Арсеньева) и др.

Идея единения человека и природы в языковой картине мира И.А. Бунина обуславливает появление предикативов-синк-

ретов, имеющих комплексную семантику, отражающую не элементарную, а сложную ситуацию [9, с. 35-36], в которой сопряжённые семантические элементы «физиологическое/психологическое состояние живого существа» и «состояние природы» являются равноправными, функционирующими в речи как созначения в зависимости от ситуативного контекста. Например: *И до вечера в саду толпится народ, слышится около шалаша смех и говор, а иногда и топот пляски... К ночи в погоду становится очень холодно и росисто* (Антоновские яблоки) («в саду холодно»); *В поле было грустно, пусто, холодно...* (Жизнь Арсеньева) («в поле грустно»). – Ср.: *Мне холодно; Зое было грустно.*

Вторым компонентом выделенных структурных схем безличных предложений выступает локативный субъектив – носитель состояния, представленный преимущественно предложно-падежными формами со значением воздушного, водного или земного природного пространства: Например: *В поле уже душно, жарко* (Жизнь Арсеньева); *На реке ещё было прохладно и тихо* (На даче); *Темнело и опять стало белеть в воздухе...* (Под Серпом и Молотом) и др. Когда часть природного физического пространства не конкретизируется, для его номинации используются обстоятельственные наречия типа *здесь, кругом, всюду*. Например: *А кругом было так поразительно тихо, что он слышал только одно – это биение* (Митина любовь); *И здесь было снежно и бело...* (Жизнь Арсеньева); *...Так жарко, светло было всюду* (Братья) и др.

Регулярное эллиптирование (42 %) локативного субъектива в процессе речевой реализации всех структурных схем связано с его смысловой избыточностью, потому что наблюдаемые природные изменения часто приписываются неограниченному пространству [4, с. 26]. Например: *Темнело по вечерам только к полуночи* (Муза); *Дул сырой ветер, смеркалось, снег уже не падал* (Игнат) и др. Вербализация локативного субъектива «становится обязательной в случае сопоставления или противопоставления разных локусов» [5, с. 107]. Например: *На западе, за селом, светлело, на востоке, на сизо-пыльной туче над хлебами, стояли две зелёно-фиолетовые тучи* (Деревня); *Дети из усадьбы... зоркими глазами заглядывали в длинное разбитое окно на уровне земли. Везде светло и жарко, а там холодно и темно* (Часовня).

Из анализируемых схем лишь одна – «где происходит» – является двухкомпонент-

ной, состоящей из локативного субъектива и предикатива; все остальные имеют большее число компонентов: третьим компонентом структурной схемы «где есть какво» выступает связка *есть*, являющаяся знаком отношения между субъективом и предикативом и представленная в форме настоящего времени нулём (*А здесь, за лиловыми утёсами, было тихо и ещё брезжил свет зари* (Святые горы)); третий компонент структурных схем «где пахнет чем» и «где действует чем откуда/куда» – наименование приятного или неприятного запаха/веяния – маркирован творительным падежом имени (*С полей уже тянуло теплом* (Святые горы); *Было очень тепло, тихо, пахло серым полем* (Митина любовь)). Четвёртый компонент структурной схемы «где действует чем откуда/куда» – исходный пункт перемещения состояния – представлен предложно-именными словоформами (*Мягко тянуло с полей сушью, зноём...* (Жизнь Арсеньева)).

Анализ компонентного состава структурных схем безличных предложений в произведениях И.А. Бунина – наличие обязательной позиции локативного субъектива и предикатива, маркированного словами категории состояния, безличными глаголами и личными глаголами в безличном употреблении, – позволяет выделить такие признаки синтаксического концепта «состояние природы» как *стихийность* и *локализованность*. А учитывая тот факт, что пространственные отношения между предметами и явлениями действительности «всегда ориентированы на субъект восприятия как точку отсчёта» [7, с. 50], и опираясь на анализ семантики предикативных лексем схем, можно говорить о *перцептивности* как когнитивном признаке концепта «состояние природы», т. е. получении информации о состоянии через органы чувств, а не знание [9, с. 13].

В процессе речевой реализации инварианты структурных схем «где есть какво», «где происходит», «где пахнет чем», «где действует чем откуда/куда» подвергаются грамматическим и структурно-семантическим модификациям. «Отсылка к прошлому» как существенная особенность самовыражения И.А. Бунина, считавшего, что «для творчества потребно только отжившее, прошлое» [цитир. по: 1, с. 140], реализуется посредством грамматической модификации, представленной прошедшем временем глагола: *Свежее пахло травой* (На хуторе); *Вечерело...* (Апрель) и др. Наличие подобной модифика-

ции свидетельствует о когнитивном признаке *временность* синтаксического концепта «состояние природы».

Структурно-семантические модификации, «накладывающиеся» на грамматические, ведут к обогащению элементарной пропозиции специфическими компонентами смысла. В произведениях И.А. Бунина встречается фазовая модификация (7 %), представленная лексемами *стать* и *становиться* в формах настоящего или прошедшего времени. Например: *Но после полудня стало хмуро, пронзительно-сыро, опять затуманившийся, тускло посиневший палисадник застыл в дремоте* (Игнат); *К ночи в погоду становится очень холодно и росисто* (Антоновские яблоки). Обогащая пропозицию высказывания семой `переход из одного состояния в другое` или семой `начало`, данная модификация способствует вычленению когнитивного признака *фазовость* синтаксического концепта «состояние природы» и реализации в языковой картине мира И.А. Бунина идеи цикличности происходящих природных изменений.

Позиционные схемы высказываний, в основе построения которых структурные схемы «где есть какво», «где происходит», «где действует чем откуда/куда», последовательно усложняясь темпоральными детерминантами, служащими показателями эпизодичности состояния, его изменчивости, актуализируют признак *временность* синтаксического концепта «состояние природы». Например: *С утра было серо, после полудня дождь, вечером ливень* (Окаянные дни); *А на дворе, как нарочно, было сумрачно, к вечеру стало накрапывать* (Жизнь Арсеньева); *Но после полудня стало хмуро...* (Игнат)). Частотность же темпоральных детерминантов со значением повторяемости в произведениях И.А. Бунина позволяет вычленить ещё один признак – *итеративность*, регулярность воспроизведения идентичных природных состояний в определённый временной промежуток: *Зимой на Песчаной улице было много снегу, было серо и пустынно, весной – солнечно, весело...* (Чаша жизни); *Летом было очень жарко* (Чаша жизни).

«Обогащение» типовой пропозиции «локативный субъект – состояние», маркированной структурной схемой «где есть какво», смыслом `причина` обуславливает признак *каузированнойности* синтаксического концепта «состояние природы». Например: *Было холодно, пронзительно сыро, темно от*

туч (Митина любовь); *В саду было сумрачно от туч, с поля дул мягкий ветер* (Божье древо) и др.

Наличие в структуре высказываний атрибутивных (в широком смысле) словоформ, занимающих с предикативами одно синтаксическое место, т. е. экспликантов [8, с. 409], типа *сильно, чуть, очень, совсем* свидетельствует о реализации когнитивного признака *интенсивности* синтаксического концепта «состояние природы», возможности его усиления или ослабления, проявления в большей или меньшей степени. Например: *Утром открылся берег Африки. Сильно припекало* (Дельта); *Чуть моросило...* (Деревня); *И на этой ярко сверкающей под солнцем поляне очень уютно и прогревает* (Сосны). А введение таких экспликантов, как *по-весеннему, по-зимнему, по-осеннему, зимней, весенней* и т. п., актуализирует в языковой картине мира И.А. Бунина идею обусловленности природных состояний временем года: *Повеяло зимней свежестью, понесло снегом и ветром* (Перевал); *...Пахло кухни, предвесенней свежестью, собаками...* (Игнат); *Уже по-осеннему пусто и сиротливо было в полях* (Белая лошадь) и др.

В результате проведённого анализа можно сделать следующие выводы: выделяемый в семантическом пространстве языка синтаксический концепт «состояние природы» реализуется в прозаических произведениях И.А. Бунина посредством четырёх структурных схем, объединяемых тем, что субъектив как пассивный носитель состояния представлен обстоятельственным пространственным наречием или соотносительной предложно-именной словоформой.

Выделенные структурные схемы при полевой стратификации синтаксического концепта «состояние природы» входят в его ядро, актуализируя такие признаки, как *стихийность, локализованность, перцептивность, интенсивность, временность, фазовость, каузируемость*, и реализуя в языковой картине мира И.А. Бунина следующие идеи: единение человека с миром природы,

цикличность происходящих природных изменений, обусловленность природных состояний временем года, неподвластность природных состояний воле человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астащенко О.А. От «Поздней ночи» к «Позднему часу»: эволюция мастерства И.А. Бунина // Наследие И.А. Бунина в контексте русской культуры. Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения И.А. Бунина / Отв. ред.: А.А. Дякина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – С. 139–150.
2. Булынина М.М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта. – Воронеж: ВГУ, 2004. – 212 с.
3. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж: ВГУ, 2003. – 196 с.
4. Дручинина Г.П., Онипенко Н.К. К вопросу об односоставном предложении // Русский язык в школе. – 1993. – № 1. – С. 22–26.
5. Золотова Г.А. Понятие личности/безличности и его интерпретация // Russian Linguistics. – 2000. – № 24. – С. 103–115.
6. Иванова Д.М. Мифопоэтический и философско-эстетический аспекты воплощения образа природы в прозе И. А. Бунина: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004. – 22 с.
7. Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия АН. Сер. лит. и яз. – 1993. – №3. – С. 45–57.
8. Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. – М., 2007. – 416 с.
9. Матханова И. П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: Автореф. дис. ...докт. филол. наук. – СПб., 2002. – 44 с.
10. Мещерякова О.А. Индивидуально-авторская концептосфера И.А. Бунина в её репрезентации средствами свето- и цветообозначений: монография. – Елец, 2007. – 210 с.
11. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Изд. 3-е, стереотипное. – Воронеж, 2003. – 191 с.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная семасиология и лингвоконцептология // Лингвоконцептология. Выпуск 1 / Науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж, 2008. – С. 4–8.
13. Попова З.Д. Синтаксическая система русского языка в свете теории синтаксических концептов. – Воронеж, 2009. – 209 с.